

Никоненко Сергей Витальевич

доктор философских наук,

профессор Санкт-Петербургского государственного университета

serg_nikonenko@rambler.ru

РЕВИЗИЯ КЛАССИЧЕСКОГО ИСТОРИЗМА: ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКАЯ КРИТИКА ИДЕАЛИСТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ ИСТОРИИ В РАННЕЙ АНАЛИТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ¹

Статья посвящена изучению эпистемологической проблематики ранней аналитической философии (неореализма) по поводу проблем истории. Рассматриваются следующие категории: исторический факт, историческая реальность, опыт и рациональность в истории, законы истории. Показывается, что при «историзации» индивидуальные по своему содержанию объекты истории с трансцендентальной точки зрения подчиняются одной и той же, универсальной «логике» исторического процесса. Под неореализмом понимается ранний этап в аналитической философии в Великобритании и США. Определяется сущность критической ревизии историзма в философии неореализма; она сводится к критике идеализма и разумности в истории, утверждению приоритета индивидуального над социальным, отказу от понятия смысла истории. Исторический факт – это событие социальной жизни, локализованное в определенном месте и времени и интерпретируемое в области истории как науки. История в своей сущности является непредсказуемой; и в ней нет ни универсальной закономерности, ни сущности, ни цели. Идеалистический историзм критикуется с позиций эпистемологии, а не философии истории. Исторический факт, историческое познание и историческая действительность трактуются в неореализме как категории, лишенные фундаментального характера; на первый план выдвигается проблематика познания, опыта и языка. Критика исторического идеализма позволяет расширить представления об эпистемологии аналитической философии. Для исследования привлекается значительное количество малоизвестных источников: труды Ф.Г. Брэдли, Б. Бозанкета, Дж. Ройса, Р.У. Эмерсона, Б. Рассела, А.Н. Уайтхеда, А.Дж. Айера, С. Александера, Р.Б. Перри, Дж. Сантаяны и др.

Ключевые слова: историзм, неореализм, эпистемология, философия истории, идеализм, законы истории, прогресс, индивидуальность

Nikonenko S.V.

THE REVISION OF CLASSICAL HISTIRICISM IN THE NEW REALIST PHILOSOPHY:
EPISTEMOLOGICAL ASPECTS

¹ Статья выполнена в рамках проекта РНФ № 21-18-00174 «Историзм как парадигма гуманитарных наук».

The article deals with the study of epistemology of early analytical philosophy concerning philosophy of history. Main concepts are historical facts, historical reality, experience and rationality. The philosophers that are discussed in the article: G. Hegel, G.F. Bradley, B. Bosanquet, R.G. Collingwood, B. Russell, S. Alexander, R.B. Perry, A.J. Ayer, K. Popper, etc. Historicism is the essence of Absolute idealism. The main thesis of historicism is the acceptance of historical character of any cultural phenomenon. General laws of spirit in history are necessary for all individual historical phenomena. The supporters of historicism assert that there are «laws» of history. The author argues that the New Realists criticize historical idealism, generality, rationality, laws of history and the idea of permanent progress. On the contrary, they propose realism, individualism, empiricism and the idea of impossibility of historical forecast. According to realists, historical fact is an event of social life that occurs in some time and space. History is not a strict science like mathematics. There is no place for determinism and universalism in history. It is open to doubt that history has the final purpose. The main theoretical point of new realistic philosophy is that the problems of philosophy of history may be reduced to the problems of epistemology. The criticism of historicism in the New Realism is not general. The New Realists follow historicism in the acceptance of the human progress in knowledge. Nevertheless, the space of history is the world of knowledge and experience, not of thought.

Keywords: historicism, new realism, epistemology, philosophy of history, idealism, historical laws, progress, individuality

Предварительные понятия

Р.Дж. Коллингвуд однажды высказал недоумение по поводу того, что современные ему философы не понимают очевидной вещи: в истории термины «факт» и «прогресс» употребляются в особенном смысле; обсуждать их можно исключительно в контексте философии истории. Однако, как оказалось, в сформировавшейся аналитической философии исторические проблемы обсуждаются вовсе не в контексте философии истории, а в контексте эпистемологии. До 1960-х гг. философия истории вообще отсутствует в аналитической философии. Важным, относительно мало изученным аспектом аналитической философии выступает критика историзма и идеалистических представлений в области истории с позиций реалистической эпистемологии. В чем мы усматриваем актуальность проводимого исследования? В том, чтобы расширить представления об источниках неореалистической эпистемологии, попытаться показать, что такая эпистемология формируется не только в логических и онтологических трудах, но также в написанных параллельно сочинениях, предметом которых выступает проблематика социума, политики, истории.

Сложность темы мы видим здесь в том, что идеалистическая (по преимуществу гегельянская) философия истории критикуется не с позиций другой концепции в области философии истории (как, к примеру, в аналитической философии истории А. Данто и Ф. Анкерсмита), а с позиций эпистемологии, когда на первый план выходит дискуссия вокруг таких понятий, как «факт», «событие», «опыт», «дескрипция», «реальность» и т.д. Как объект критической рецепции, мы проиллюстрируем принцип историзма в англо-американской философии абсолютного идеализма. Как источник этой рецепции, мы рассматриваем эпистемологию ранней аналитической философии. Мы убеждены в том, что критика принципа историзма – существенный аспект именно эпистемологии, а не философии истории, применительно к аналитической философии. Б. Рассел, А. Уайтхед, Л. Витгенштейн, А. Айер, К. Поппер – это не «философы истории» в том смысле, как мы можем

рассматривать Гегеля, Кроче, Брэдли, Ройса, Мак-Таггарта, Дильтея, Риккерта. Они не только не предлагают альтернативы, но зачастую не видят смысла в самом предмете философии истории, занимая (по выражению Р. Рорти) ироническую позицию. К примеру, в «Философии логического атолизма» Рассел ставит следующие проблемы. Можно ли заключить о существовании Гомера лишь исходя из утвердившегося в истории значения имени «Гомер»? Можно ли доказать, что Цезарь был убит в Мартовские иды, если мы не присутствовали при этом событии? Влечет ли за собой существование греков суждение: «Греки существуют»? Обычно подобные проблемы принято рассматривать как проблемы логики и эпистемологии. Но нас очень интересует то, что Рассел ставит свои вопросы именно в отношении *исторических* суждений, оперируя с историческими фактами, образованиями и личностями. Ответы на подобные вопросы, как мы попытаемся показать, лежат в корне более глобальных тем и суждений, касающихся смысла истории, прогресса, роли личности и т.п.

Введем некоторые предварительные понятия. Под *классическим историзмом* мы понимаем совокупность школ и направлений в философии истории, в рамках которых любые явления культуры рассматриваются как исторически обусловленные; и сама история, в свою очередь, рассматривается как форма развития духа согласно его законам. Историзм представлен несколькими ведущими школами и направлениями XIX – XX вв.: гегельянские школы, неокантианство и классический позитивизм. Историзм подразумевает «историзацию» знания и выведение логики исторического развития, равно как и учение о всеобщности такого развития. Под *неореализмом* мы понимаем ранний этап в англоязычной аналитической философии. При этом мы рассматриваем эпистемологию неореализма в контексте критики философии истории (так или иначе тесно связанной с этикой и философией политики). Такие классики идеализма в философии истории, как Мак-Таггарт, Бозанкет, Коллингвуд - идейные оппоненты неореалистической философии.

Задача этого исследования – рассмотреть: 1) природу классического историзма XIX – начала XX вв. (на примере англо-американского абсолютного идеализма), определить его сущность, базовые понятия и основные течения; 2) проблему исторического факта и описания, соотношения опыта и рациональности в эпистемологии аналитической философии; 3) эпистемологическую критику, которую англо-американские неореалисты проводят в отношении идеалистической философии истории.

Сущность классического историзма и почему в нем не возникло исторической эпистемологии

Корни классического историзма обнаруживаются в немецкой классической философии. В философии истории Гегеля вырабатывается понятие о сущности истории. Он пишет: «Можно сказать о всемирной истории, что она является обнаружением духа в том виде, как он вырабатывает в себе знание о том, что он есть в себе» [2, с. 71]. История суть процесс, охватывающий все человечество и протекающий по объективным законам духа. Исторические стадии в развитии духа, по Гегелю, «снимаются» на новом уровне развития, но не исчезают или забываются, а входят в новую стадию, остаются в «глубине» духа. Выведенный Гегелем принцип историзма является всеобщим. В духе коренится диалектическая противоположность личности и общества. Гегелевская теория исторической личности оставляет место свободе субъективного желания, намерения и поступка; однако существенным оказывается только то, что совпадает с моментом развития абсолютной идеи. В понимании Гегеля исторические события, исторических личности,

социальные образования суть проявления идеи *духовности*. Сама историческая реальность, как таковая, есть сцена проявления Идеи.

Учитывая предмет работы, нас по преимуществу интересуют англо-американские гегельянцы. Следуя основным принципам философии Гегеля, англоязычные гегельянцы осуществляют синтез идей объективного идеализма и классического эмпиризма, уделяя значительно большее внимание личности в истории и уходя от строгого детерминизма. Философия истории абсолютного идеализма сложилась в учении Ф.Г. Брэдли. Он считает, что любая форма реальности является духовной. Историческая реальность является, прежде всего, ареной развития и видоизменения человеческого *мышления*, а главной эпистемологической особенностью является то, что любая форма исторического действия и опыта суть, на самом деле, форма *осознания* как конкретного момента, так и общего хода истории. Брэдли пишет: «Прошлое и будущее (еще раз повторим это) – идеальные конструкции, превосходящие наличное настоящее. И наш нынешний мир сам по себе суть конструкция, основанная на ощущении и восприятии; “конструкция” означает здесь для нас (что могут отметить читатели) живой рост текучей реальности» [16, р. 426]. В суждении Брэдли мы акцентируем внимание на категории «идеальные конструкции». Это редукционистская позиция; все возможные формы культуры сводятся к понятию, к деятельности мышления. Вместе с тем, – и это составляет характерную особенность позиции Брэдли – Гегель и некоторые его последователи незаслуженно принижают своеобразие и самостоятельность, по крайней мере, двух ключевых категорий философии истории: исторической личности и исторической практики. Всеобщность исторических законов и духовность в истории не исключают *неповторимого, индивидуального, уникального своеобразия конкретно-исторической формы*. Тем самым, Брэдли движется в сторону исторического индивидуализма. Так же считает и единомышленник Брэдли Б. Бозанкет, который отмечает: «Очевидно, что идея человечества, или мира разумных существ на поверхности нашей земли, задуманная как единство, должна присутствовать в любом приемлемом философском рассуждении <...> Идея человечества всеобщая» [15, р. 328]. Бозанкет проводит «гуманистическую» ревизию гегелевской философии истории. В его концепции государства не находится место праву, а в его философии истории не находится место духу, если понимать их в *абсолютном* ключе. Субъектом всемирной истории оказывается не государство, как у Гегеля, и не класс, как у Маркса, а «идея человечества», понимаемая пусть и идеалистически – как универсалия – но существенно приближенная к конкретно-исторической действительности, к анализу реального человека в обществе и истории. Эту линию продолжает Дж. Ройс, историческую концепцию которого в литературе принято сочетать с понятием «персонализма». Приведем характерное суждение Ройса: «Организованный социальный порядок – это часть природы каждого как субъекта права. Истина индивидуальности состоит в человеческом сознании, которым каждый обладает как своей сущностью» [21, р. 200]. Не стоит преувеличивать значение эмпирического поворота в абсолютном идеализме: историческая реальность по-прежнему подчинена «идее истории»; опыт подчинен разуму; факт – понятию; теория – практике; личность – государству и т.д. Однако гегельянский историзм здесь существенно реформируется; имеется тенденция к росту значимости *индивидуальности* в истории.

В Англии идеалистом, реализовавшим эту тенденцию, является Дж.Э. Мак-Таггарт. Он связывает понимание истории с проблемой «конечной цели» истории, утверждая, что в философии Гегеля, на самом деле, не содержится учения о том, что существующее положение дел является «целью» исторического развития. В сознании тех, кого Мак-Таггарт называет «индивидуальными гражданами», не может сложиться представление о том, что современное им общество – вершина исторического развития. Наоборот, в

сознании индивидуальности присутствует вечное недовольство существующим порядком и строем. «Никто, кроме совершенной индивидуальности, не может объединиться в совершенном единстве. Индивидуальности могут существовать лишь в совершенном единстве. Но Гегель также отмечает, что наше движение по направлению к идеалу никогда не является прямым. Каждый идеал можно анализировать как распадающийся на два противоположных момента», - подчеркивает Мак-Таггарт [18, р. 432]. «Совершенные» индивидуальность и сообщество, тем самым, - это равнозначные и равноправные стороны вечного диалектического противоречия. Вчитавшись и постигнув логику Мак-Таггарта, можно понять, что это индивидуалистическая точка зрения на историю. В этом отношении Мак-Таггарт весьма похож на А. Тойнби, который, выступая против позитивистской философии, делает определенные уступки реализму. «Почему мы должны считать, что научный метод, созданный для анализа неодушевленной природы, может быть перенесен в историческое мышление, которое предполагает исследование людей в их деятельности?» [10, с. 16], - спрашивает Тойнби. Хотя главным объектом истории для Тойнби выступает «умопостигаемое поле исторического исследования», оно оказывается изначально проблематизированным ввиду того, что оно имеет целый ряд характерных черт, индивидуально присущих только этому конкретному полю. Тем самым, историзм в абсолютном идеализме сохраняет свои позиции, но приобретает признаки индивидуализма и эмпиризма. Принцип историзма заключается в «коренной историзации нашего знания и мышления “преимуществ” и недостатков для формирования личной духовной жизни и создания новых социально-политических условий» [11, с. 15].

К слову, представители абсолютного идеализма не были философами, замкнутыми в проблематики собственной школы. Они активно полемизировали со сторонниками реалистического понимания истории. Чтобы проиллюстрировать этот феномен, обратимся к философии истории Р.Дж. Коллингвуда, в основе которой лежат принципы гегельянского, идеалистического историзма. В «Идее истории» Коллингвуд приходит к понятию «исторический факт» через критику позитивизма. Он пишет: «В истории слово “факт” имеет совсем иное значение. Факт того, что во втором столетии легионы начали набираться полностью за пределами Италии, не дан нам непосредственно <...> Всем этим историки-позитивисты пренебрегали. Они никогда не задавали себе трудного вопроса: как возможно историческое знание?» [4, с. 128]. Не вдаваясь в дискуссии и, тем более, учитывая, что в своей критике Коллингвуд не называет имен позитивистов, попытаемся понять логику английского мыслителя. Он считает, что исторические факты, прежде всего, не могут фиксироваться по аналогии с фактами природы. Положение «Цезарь перешел Рубикон» не может пониматься в отрыве от конкретного действия и вполне физического перехода его армией конкретной реки. Однако, переход через Рубикон, взятый как исторический факт, может пониматься только в целостном контексте гражданской войны и даже в более широком контексте истории Рима. Исторический факт оказывается чем-то более существенным, чем комплекс сопутствующих явлений и событий. Это уже элементарное, исходное, но все-таки концептуальное обобщение. Тем самым, исторический факт является, по своей сути, идеальным конструктом. Продолжая полемизировать с позитивистами, Коллингвуд отмечает: «Позитивистская концепция индивидуальности – концепция, по которой индивидуальность конституируется как таковая лишь благодаря изоляции от всего остального и возникновению границы, резко отделяющей все, что внутри, от того, что извне <...> Вот почему концепция изолированной индивидуальности не может быть применена в истории, ибо мир истории – мир духа. Историк, изучающий цивилизацию, отличную от его собственной, может понять ее духовную жизнь, только воспроизведя ее внутренний опыт в самом себе» [4, с. 156]. Таким образом, исторический факт не имеет самостоятельного значения. Он понимается Коллингвудом как элемент

духовного мира, причем взятый не только сам по себе, но и в контексте отношений с другими такими элементами. На первый взгляд, обращение Коллингвуда к фактам и критике позитивизма преодолевает рационалистическую герметичность гегельянской философии истории, но это иллюзия. Наоборот, Коллингвуд стремится задушить зачатки эмпирического рассмотрения истории, прекрасно осознавая, что усиление эмпирических тенденций и, тем более, раскрепощение исторического опыта враждебны духу идеализма.

С нашей точки зрения, классический историзм, в том виде, как его развивают англоязычные гегельянцы, не содержит в себе эпистемологии исторического исследования в силу сущностных причин. Прежде всего, в этом учении не выделяется *исторический опыт* как самостоятельное понятие, равно как и особая форма познания. Все формы опыта (а сюда следует включить не только восприятие исторического события, но и неотъемлемую от него деятельность, практику) объясняются только как предварительные ступени мышления. Также историческая реальность, хотя и выступает объективной формой духа, не отделена от мышления и, как таковая, не обладает статусом самостоятельной формы социальной действительности. Перед нашим взором предстает грандиозная универсалистская модель субстанционального воззрения на историю, в которой история представляется как развитие духа во времени. Но при этом не происходит выделения *исторического познания* в виде отдельного предмета. Также в этой философии не возникает проблемы *исторического описания*; не выводится необходимость анализа языка исторических высказываний. Философия истории в классическом историзме – это раздел метафизики, составная часть философской системы. Мы убеждены в том, что эпистемология исторического исследования может возникнуть, только если освободиться от идеалистического редукционизма, сводящего все проявления истории к сфере «мыслимого». Необходимо раскрепостить опыт, а через него и индивидуальность, человека не просто «познающего», но чувствующего, переживающего, действующего, строящего историческую реальность своими силами. Эту миссию выполнили Б. Рассел и сторонники неореалистической философии.

Понятие исторического факта в философии неореализма

Важнейшие элементы исторической эпистемологии Б. Рассела содержатся в, казалось бы, далекой от проблем истории работе «Философии логического атомизма». В своих логических лекциях Рассел неоднократно приводит исторические примеры. Так, в одном месте он рассуждает: «Когда вы говорите: “Гомер существует”, вы имеете в виду, что “Гомер” – это описание, которое к чему-то применимо. Описание, когда она полностью не установлена, всегда имеет форму “определенное такое-то и такое-то”» [9, с. 79]. Рассел предлагает вводить имя «Гомер» не через наименование человека Гомера, а через *описание* (дескрипцию) Гомера, как «древнегреческого поэта», «автора “Одиссей”», «поэта, предположительно жившего в VIII в. до н. э.» и т.д. Исходя из простой констатации: «Гомер существует» (допустим, у нас появились бесспорные доказательства его существования) еще не следует ничего, *относящегося к истории*. «Историческое», по Расселу, заключается в дескриптивном описании событий прошлого (как правило, на основе доверия к опыту современников описываемых событий), взятом в широком контексте личностей, объединений, государств, культурных идентичностей соответствующего времени. Исторический факт суть *событие*; но при этом особо оговаривается, что для истории это – совокупность дескрипций в определенной предметной области.

Здесь важно сделать предположение, позволяющее ответить на вопрос: Почему идеи Рассела содержат в себе именно эпистемологическое понимание исторического исследования? Ответом будет следующее: Рассел выделяет три категории – исторический факт, историческое познание и историческую действительность – как категории, лишенные фундаментального характера. Можно выделить только специфику исторического понимания этих категорий. Рассел предлагает перейти на позиции критицизма и реализма, допуская, что любые исторические теории суть не формы причинно обусловленного развития человечества, а только формы познания, постижения и, возможно, моделирования трансформаций социума во времени.

Более отчетливо такая тенденция прослеживается у последователей Рассела. А. Айер, по-видимому, делает верные выводы из суждений Рассела, когда отмечает, что история вовсе необязательно имеет дело с понятиями. «То, что историк может постичь всё множество личностей, кажется мне невероятным <...> Также не ясно, почему история должна ограничиваться историей мысли», - высказывает Айер [14, р. 263]. Аргумент Айера сводится к тому, что, если под историей понимать всю совокупность личностей и событий в прошлом, то у нас не будет никакой возможности реконструировать такую историю. Также Айер считает бездоказательным тезис идеалистов об истории как истории идей. По Айеру, история существует во всем разнообразии человеческих, социальных и культурных феноменов; историк же обладает свободой выбора сферы исследования и отбора материала, лишь бы этот материал был объективен. К. Поппер, в свою очередь, отмечает, что такой концепт, как «единая» (или всеобщая) история человечества достижим только в сфере абстракции. Причем, по Попперу, не существует никакой непредвзятой точки зрения, согласно которой жизнь Октавиана Августа была бы более значимой и важной – в качестве предмета исследования, - нежели жизнь простого легионера того времени. Неореалисты подмечают и коренные изменения предмета академической истории в начале XX в. История оказывается распределенной на конкретные разделы, в рамках которых складывается специализация.

Сделаем вывод: исторический факт с точки зрения неореалистов – это предмет эпистемологического рассмотрения, поскольку вопрос о познании этого факта оказывается приоритетным по отношению к его онтологическому обоснованию. В неореализме исторический факт оказывается нейтральным по отношению к его наименованию, приданию «сущности». Важно то, что исторический факт в неореализме сам по себе ничего не обозначает. Это только событие или деяние, только наличность той или иной политической, религиозной, культурной жизни прошлого. Нет никакого изначального «предназначения» исторического события. Есть лишь практическая и теоретическая позиция, которую можно занять по отношению к этим событиям. Есть лишь попытка познать, объяснить факты – причем исключительно в виде предположений, гипотез, интерпретаций, а не универсальной теории. Наконец, есть лишь возможность постигать исторический факт, включая его в опыт переживания и воспоминания прошлого (не обязательно собственного прошлого). Пожалуй, к таким выводам приходят неореалисты. Они не строят ни онтологии истории, ни ее метафизического обоснования.

Критика принципа историзма с точки зрения неореалистического понимания истории

Мы подошли к критическому рассмотрению принципов историзма в трудах представителей неореализма. Сосредоточимся на трех аспектах. Во-первых, продолжим конкретизировать то, каким образом неореалистами осуществляется критика

идеалистического историзма. Во-вторых, попытаемся показать, что неореалисты в истории делают приоритетными не идеи, а опыт. В-третьих, мы попытаемся показать, что неореалисты, выступая сторонниками социального прогресса, тем не менее, отказываются усматривать априорный смысл истории и видеть в ней какую-либо цель.

Как уже отмечалось, неореалисты относятся к критикам классического историзма с позиций научной рациональности; в историзме они усматривают ненаучную, метафизическую (и даже отчасти теологическую) позицию. «Историческому сознанию XIX в., в первую очередь той его части, которая была ориентирована на идеал “научности”, гегелевский разум в истории в качестве субстанции-субъекта неизбежно представлялся мистическим анахронизмом», - отмечают Ю.В. Перов и К.А. Сергеев [5, с. 35]. Поскольку становление неореализма как философского направления происходит на фоне идейной борьбы с гегельянской школой абсолютного идеализма, то первым критическим аргументом против историзма оказывается попытка доказать несостоятельность тезиса о *разумности* в истории. Неореализм обращается к исторической действительности «как таковой», отрицая наличие чего-либо трансцендентного за пределами этой действительности. История вскрывает такое разнообразие эпох, цивилизаций, народов и культур, что просто не может подчиняться теоретической схеме. Поэтому Рассел утверждает: «Я думаю, ход истории подчинен законам и, возможно, для достаточно мудрого человека предопределен, но нет того, кто мудр достаточно. Ход истории слишком сложен, чтобы мы могли его просчитать; и человек, утверждающий, что сделал это, - шарлатан» [8, с. 117]. В его суждении можно увидеть явственную эпистемологическую позицию, суть которой в следующем: предметом исторического знания являются *дескриптивные* описания событий в прошлом (нейтральных по отношению к этим описаниям); и эти события могут быть подведены разве что под индуктивные выводы, но никак не под априорные схемы. Вторым тезисом Рассела является то, что события и деяния прошлого изначально сложны и не имеют простого определения. Различия между эпохами, географическими областями, религиями, культурными укладами делают даже историю одного временного периода (к примеру, историю Римской империи) многоплановой. К примеру, вслед за Расселом, отсутствие у истории простого предмета подчеркивает А. Лавджой, выделяя целых двенадцать отдельных исторических отраслей: «1) История философии; 2) История науки; 3) Фольклор и некоторые разделы этнографии; 4) Некоторые разделы истории языка, особенно семантики; 5) История религиозной веры и теологических доктрин; 6) История литературы; 7) Особенности литературы разных стран; 8) История всех искусств, кроме литературы; 9) Экономическая история; 10) История образования; 11) Политическая и социальная история; 12) Историческая часть социологии» [17, р. 1 - 2].

Мишенью критики неореалистов является учение о закономерности исторического развития и телеологическом характере истории. Неореалисты связывают эту сторону идеалистического историзма с такими понятиями, как «фатализм» и «пророчество». К примеру, Рассел так пишет о марксистах-большевиках (которые, в его представлении, следуют гегелевской философии истории): «Большевизм не просто политическая доктрина, он еще и религия со своими догмами и священными писаниями» [7, с. 7]. Можно допустить, что Рассел и другие реалисты ошибались, приписывая идею исторического пророчества гегельянским школам философии истории. Поэтому критику неореалистов нельзя отделить от аспекта запальчивости идейной борьбы, политических и идеологических разногласий. С. Александер, по всей видимости, полностью убежден в том, что идеалисты на самом деле сближают философию истории с мистикой и теологией. «Не может существовать фатализма в истории прогресса (*in history of a progress*) там, где элементами выступают разумные существа, которые, действуя согласно своим характерам, осведомлены об

объектах, которые они преследуют. Фатализм означает, что люди действуют на основе импульса и сил, которые они не в состоянии понять» [13, р. 381], - пишет Александер. Получается, что «объективные законы истории» трактуются как некая сверхчеловеческая сила, слепая и неразумная воля, вступающая в конфликт с человеческой рациональностью. В схожей манере судит и Дж. Сантаяна в своей критике идеализма: «Немецкий идеалист не признает ни естественной жизни, ни естественной индивидуальности. Его “я” может перенестись в любое политическое образование или в любую синтетическую идею» [24, р. 95].

Одним из основных критических аргументов неореалистов является тезис о том, что личность в истории не полностью детерминирована социумом. В этом аспекте неореалистическую философию трудно, а порой и невозможно отделить от этики и политики. Ведь «свободная личность» - прежде всего, понятие этическое; а «индивидуальная свобода» - понятие политическое, поскольку свобода является в своих первых проявлениях «негативной». Рассел связывает теории идеалистического историзма с апологетикой тоталитарного государства, в котором личность существует для «целого», для государства, а не, наоборот, государство существует для личности. Либерализм у неореалистов перерастает значение политического принципа, получая метафизическое обоснование, приобретая мировоззренческое значение «этики свободного человека». Александер прибавляет еще идеи свободы и демократии. «История может рассматриваться как развитие идеи свободы, как фаза великого феномена, выраженного в росте демократии» [13, р. 8], - отмечает Александер. Ему вторит другой американский неореалист Р.Б. Перри, который утверждает: «Идеи демократии и Великого Сообщества, несомненно, являются самыми великими идеалами нашего времени» [20, р. 111]. «Политические идеалы должны основываться на идеалах индивидуальной жизни. Цель политики должна заключаться в том, чтобы сделать жизни личностей настолько хорошими, насколько это возможно» [22, р. 4], - отмечает Рассел. Он неоднократно подчеркивает, что финансовая, военная и политическая мощь государства не обязательно являются символами прогресса. Подлинный прогресс коренится в области познания (knowledge), солидарности (co-operation), достижении мира (peace) и любви (love).

В качестве комментария мы можем особо акцентировать то, что Рассел выделяет эпистемологическую категорию «познания» (knowledge) как один из критериев прогресса, что, на наш взгляд, отсутствует у сторонников историзма. В их концептуальных схемах человек тоже прогрессирует и тоже выстраивает познавательное отношение к собственному прогрессу; однако познание само по себе в историзме не выступает критерием исторического развития. Учение об объективном развитии духа в истории, как нам представляется, делает справедливой и оправданной критику неореалистов по поводу элиминации индивидуальности из исторического процесса. Рост «познания» по Расселу – это не объективная стадия осознания собственного духа как духа прогрессирующего. Это, скорее, познание эпистемологическое, т.е. осведомленность по поводу собственной исторической ситуации. Как таковое, «познание» Рассела изначально выступает формой опыта, осознания фактической наличности себя самого как пребывающего в социуме, истории, политическом универсуме. Следствием такого осознания оказывается не «понимание», а, скорее, деятельность. Познавательное отношение по поводу прогресса в истории позволяет личности выработать собственную мировоззренческую позицию и, возможно, активно воздействовать на собственные обстоятельства и социально-политические реалии своего времени.

В контексте ревизии классического историзма важно то, что, не отрицая диалектику общественного и частного, неореалисты выступают сторонниками индивидуализма. В свою очередь, общество трактуется как ассоциативное объединение сограждан; и это объединение не может узурпировать индивидуальные свободы. В центре критики неореалистов оказывается несогласие с историческим субстанционализмом: как с идеалистическим учением о примате политической истории государств, так и с материалистическим учением о господстве экономических факторов. Между индивидуальными и общественными интересами остается зазор, не элиминируемые проявления свободы, которые на практике могут проявляться конструктивно или деструктивно и лишь в общечеловеческом балансе оказываются все-таки ведущими к прогрессу. В истории не существует полностью тождественных сообществ; под них нельзя подвести идею исторической всеобщности или модель охватывающего закона.

Одним из важнейших вопросов в неореалистической философии истории является возможность предсказания будущего. В какой степени возможно спрогнозировать или смоделировать состояние человечества? Сторонники идеалистического историзма дают осторожные прогнозы, но, в целом, их ответ на вышеуказанные вопросы является положительным. Ход истории *разумен*; и по крайней мере относительно духовного развития можно проследить динамику от прошлого через настоящее в будущее. С этим решительно не согласны неореалисты. История не является наукой, предмет которой может быть строго определен. В своей сущности ход истории является *непредсказуемым*; и в нем нет ни универсальной закономерности, ни сущности, ни цели. Об этом пишет Рассел: «Мы не можем проигнорировать ту роль, которую играет так называемая случайность, иначе говоря, обычные обстоятельства, которые могут породить большие следствия. Великая война была вызвана многими причинами, но не неизбежными причинами» [23, р. 7]. Рассел считает, что разделы исторических сочинений о «причинах» исторических событий написаны под влиянием идеалистического детерминизма и должны быть пересмотрены. Не существует никаких оснований предполагать, что любой наметившийся прогресс не будет прерван новым катаклизмом. Рассел уверен в том, что *прошлое и настоящее не детерминируют будущее*. Аналогично судит и А.Н. Уайтхед, отмечая, что: «Прогресс цивилизации не представляет собой абсолютно равномерного движения к лучшему положению дел» [12, с. 56]. И дело тут не в неизбежной «гибели» любой цивилизации, а в сложности и непредсказуемости причин и поводов исторических событий. Уайтхед стремится теоретически отметить это явление мировой истории. Господство индетерминизма вселяет в историю авантюристический дух «приключения», стремления к новизне, отсутствия повторения. «Культура, кроме того, что содержит в себе критику традиции, также требует критической оценки новизны. Здоровая культура никогда не понимается в своей сущности как истинная или ложная, правильная или неправильная, приемлемая или отвергаемая. Это явные преувеличения, предвещающие нищету понимания всей сложности мироздания», - пишет Уайтхед [25, р. 149]. Причем «новизна» в истории обусловлена эпистемологически: не повторяются именно события и опыт человечества в той или иной пространственно-временной локализации, равно как и не повторяется возникающий по этому поводу «символизм» культурных форм.

Таким образом, исторический индетерминизм представляет собой сущность неореалистического подхода к истории. «По-видимому, во вселенной существует индетерминизм, просто сочетание принципов, которое содержит в себе физические, психические, моральные и логические порядки, без того условия, чтобы непременно быть физической, психической, моральной или логической необходимостью» [19, р. 420], - отмечает Перри. Исторический метод способен анализировать частные дискурсы и

бессилен быть оправданием настоящего, равно как и постигнуть будущее. По этому поводу пишет Л. Витгенштейн: «Думая о будущем мира, мы всегда предполагаем, где он окажется, если будет двигаться в том же направлении, в каком, по нашему разумению, движется сейчас. О том же, что мир движется не по прямой, а по кривой, направление которой постоянно меняется, мы не думаем» [1, § 19]. В эпистемологическом смысле суждение Витгенштейна можно трактовать так: нашего жизненного опыта и исторического познания *недостаточно*, чтобы понять, что будет в дальнейшем происходить с человечеством; к тому же в этом развитии нет никакой *логики*. Как в этом же контексте пишет Поппер: «Мой тезис гласит: история не имеет смысла. Но из данного утверждения не следует, что мы ничего не можем с этим сделать, что мы должны признать историю политической власти или вынуждены воспринимать ее как жестокую шутку» [6, с. 66]. Прослеживается двойственность: в теоретическом отношении обосновывается исторический агностицизм, тогда как в практическом отношении выдвигается философия действия, основанная на вере в то, что люди способны изменить свою жизнь к лучшему.

Мы подошли к заключению. Представители ранней аналитической философии подвергли всесторонней критике все основные положения философии истории абсолютного идеализма. Поскольку эти мыслители отвергли учение о духе, перейдя на позиции реализма, то они, как мы попытались показать, отказались от необходимости выделения «философии истории» как предмета, перенеся дискуссию по поводу истории в область эпистемологии и философии языка. Проанализировав неореалистическую критику принципа историзма, мы пришли к убеждению, что были достигнуты новые теоретические результаты. Рассел, Уайтхед, Поппер и другие философы-аналитики представили пусть и не оформленную в виде системы, но тщательно разработанную методологию интерпретации исторических фактов, событий, личностей; теоретического отношения к историческим теориям, высказываниям, представлениям о прогрессе. Критика неореалистов существенно поколебала убеждения в том, что история – это арена развития духа, что в ее основе лежит логика, что она имеет смысл. Как оказалось, любые исторические события трудно подвергнуть описанию ввиду того, что они для нас недостаточно надежно засвидетельствованы. В неореализме закладываются предпосылки перевода проблематики истории из сферы мышления в область опыта. В нем постепенно вызревает нарративистское понимание истории, сводящее исторические описания к эпистемологическому анализу исторического языка. Неореалисты вынуждены были стать агностиками относительно исторических обобщений; с позиций своей эпистемологии они упорно доказывали, что нет и не может быть достаточных доказательств в существовании недостаточно засвидетельствованных личностей и событий, равно как нет и возможности создать такую логику, которая бы смогла постичь всемирную историю. Неореалисты пришли к представлению о том, что в истории отсутствует закономерность и предопределенность. История столь сложна, что не имеет простого смысла и не подчиняется всеобщим законам. И по сей день, если смотреть на историю с позиций эпистемологии, мы будем испытывать постоянные, порой неискоренимые затруднения по поводу познания и описания прошлого.

Литература

1. Витгенштейн Л. Культура и ценность // Витгенштейн Л. Философские работы. Часть. - М.: Изд-во «Гнозис», 1994. С. 407 – 492.

2. Гегель Г.В.Ф. Лекции по философии истории. - СПб.: Наука, 1993. 480 с.
3. Дьюи Дж. Реконструкция в философии. - М.: «Логос», 2001. 168 с.
4. Коллингвуд Р.Дж. Идея истории. Автобиография. - М.: Наука, 1980. 488 с.
5. Перов Ю.В., Сергеев К.А. «Философия истории» Гегеля: от субстанции к историчности // Гегель Г.В.Ф. Лекции по философии истории. - СПб.: Наука, 1993. С. 5- 53.
6. Поппер К.Р. Вся жизнь – решение проблем. О познании, истории и политике. Ч. 2: Мысли об истории и политике. - М.: УРСС, ЛЕНАНД, 2019. 232 с.
7. Рассел Б. Практика и теория большевизма. - М.: Наука, 1991. 128 с.
8. Рассел Б. Философский словарь разума, материи и морали. - Киев: Port-Royal, 1996. 368 с.
9. Рассел Б. Философия логического атомизма. - Томск: Водолей, 1999. 192 с.
10. Тойнби А.Дж. Постижение истории. - М.: Прогресс, 1991. 736 с.
11. Трёлльч Э. Историзм и его проблемы. - М.: Юрист, 1994. 719 с.
12. Уайтхед А.Н. Избранные работы по философии. - М.: Прогресс, 1990. 720 с.
13. Alexander S. Moral Order and Progress. - London: Kegan Paul; Trench: Trubner & Co Lt., 1891, 413 pp.
14. Ayer A.J. Philosophy in the Twentieth Century. - New York: Vintage books, 1984, 285 pp.
15. Bosanquet B. The Philosophical Theory of the State. - London: Macmillan and Co, Limited, 1899, 344 pp.
16. Bradley F.H. Essays on Truth and Reality. - Oxford: Clarendon Press, 1962, 480 pp.
17. Lovejoy A.O. Essays in the History of Ideas. - New York: George Braziller, Inc., 1955, 359 pp.
18. McTaggart J.E. The Conception of Society as an Organism // International Journal of Ethics, Vol. 7, No. 4 (Jul. 1897), pp. 414 – 434.
19. Perry R.B. The Approach to Philosophy. - New York: Charles Scribner's Sons, 1908, 448 pp.
20. Perry R.B. The Present Conflict of Ideals. - New York: Longmans, Green and Co., 1918, 545 pp.
21. Royce J. Lectures on Modern Idealism. New Haven: Yale University Press, 1919, 266 pp.
22. Russell B. Political Ideals. New York: The Century Co., 1919, 172 pp.
23. Russell B. Freedom and Organization. 1814 – 1914. London: George Allen and Unwin, 1934, 528 pp.
24. Santayana G. Egotism in German Philosophy. London; Toronto: J.M. Dent & Sons Limited, 1916, 171 pp.
25. Whitehead A.N. Essays on Science and Philosophy. London: Rider and Company, 1948, 275 pp.